

Материалы круглого стола

УДК 1:37.016 (045)

И.В. Соловей

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИИ «ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ КАК ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ»

Рассматривается жанр «Введения в философию» как вступление на путь философствования с позиции философско-герменевтической традиции М. Хайдеггера, которая в дальнейшем раскрывается в трудах Г.-Г. Гадамера и Х. Арндт. Показано, что путь философствования начинается с фундаментального вопроса: «Что такое философия?», – обращая к греческому истоку философии как пути философствования, позволяющему вступить философу не только в диалог с самим собой, но и с философской традицией. В диалоге с философской традицией удивление, сомнение и потрясение понимаются как начала философствования, свойственные древнегреческой (пафос удивления Платона и Аристотеля), новоевропейской (декартовское сомнение) и современной (экзистенциальное потрясение) философии. Демонстрируется на примере платоновского «Символа пещеры» процесс становления философа, для которого удивление, сомнение, потрясение становятся состояниями перехода от существования в мире привычных/обыденных мнений к размышлению о вечных вопросах. Такой переход в философии М. Хайдеггера аналогичен переходу из онтического на онтологический уровень существования, обращающий человека к сущности своего существования, которое заключается в мышлении.

Ключевые слова: философствование, философская герменевтика, исток философии, начало философствования, пафос, сомнение, потрясение, ностальгия, уединение.

«Введение в философию» – одна из самых распространенных форм изложения философии, как области знания, так и учебной дисциплины. В данном случае само понятие «введение» понимается как некое вводящее в содержание предмета знание. Однако каждое «Введение в философию» выявляет не только специфику философского знания – В. Вундт [3], К. Ясперс [12], но и обращает к фундаментальному вопросу: «что такое философия?», которым открывается путь философствования – В.С. Библер [2], Ж. Делёз, Ф. Гваттари [5], М.К. Мамардашвили [6], Х. Ортега-и-Гассет [7], М. Хайдеггер [10] и др.

Вопрос «что такое философия?» обращен к сущности того, о чем спрашивается, то есть к сущности философии. Сама форма вопрошания «что есть это...?», развивается в греческой философии Сократа, Платона и Аристотеля (М. Хайдеггер). Спрашивая о философии «что это?», мы задаем изначально греческий вопрос о «чтойности» (Аристотель). В то же время любой ответ: «философия это...», – становится определением, которое, будучи о-предел-иванием, содержит в себе собственную границу, указывающую на не-полноту отдельно взятого ответа. Не-полнота становится условием возможного существования множества других вариантов ответа, которые реализуются в исторической традиции философии. В этом и заключается двусмысленная сущность философии. Смысл философии каждый раз начинает «набрасываться-заново» (Г.-Г. Гадамер), образуя «герменевтический круг понимания» (М. Хайдеггер) рассуждений философов. В «герменевтическом круге понимания» вопрос «что такое философия?» объединяет различные определения предмета философского знания в одно целое. Это свидетельствует о том, что представление философии как философствования наиболее полно раскрывается с позиции философско-герменевтической традиции, заложенной М. Хайдеггером, чьи идеи в дальнейшем развивались в трудах Г.-Г. Гадамера и Х. Арндт. В своей концепции М. Хайдеггер задает представление о философии как философствовании, а «философствование присуще в принципе каждому человеку, что некоторые люди могут или должны иметь странный удел – быть для других побуждением к тому, чтобы в них пробудилось философствование» [11. С. 125].

Вопрос «что такое философия?» является философским, посредством которого открываются исток философии и начала философствования. Если исток (Beginn) открывает вопрос о происхождении философии, то начало (Anfang) философии всегда связано с тем, что должно-быть-помышленным. Исток философии задается самим словом «философия», которое имеет греческое происхождение – «φίλοσοφία», открывающее путь философствования, позволяющий вступить в диалог с мышлением греческого мира. «Слово “философия”, – пишет М. Хайдеггер, – мы произносили уже достаточно

часто. Однако если мы больше не употребляем его как затертое наименование, если вместо этого слышим слово “философия” из его истока, то оно звучит так: φιλοσοφία. Слово “философия” говорит теперь по-гречески. Греческое слово, именно как греческое, есть некий путь» [10. С. 113]. В процессе диалога с философской традицией выделяются такие начала философии, из которых проистекает побуждение к философствованию, как *удивление, сомнение и потрясение*.

Удивление как начало философствования рассматривается в рамках древнегреческой философии Платона, который считал, что «удивляться есть свойство особенно философа, ибо начало не иное, как это» [8. С. 139]. Обращаясь к древнегреческому началу, М. Хайдеггер акцентирует внимание на смысле удивления, которое есть *λάθος*. Этимологически *λάθος* переводится не только как «passion» — страсть, волнение чувств, но *λάθος* непосредственно связан со словом *λάσχειν*, которое означает страдать, переносить, терпеть, выносить, позволять располагать собою. В данной интерпретации *λάθος* можно переводить как настрой, то есть настроенность и расположенность. Понимание *λάθος* как настрой позволяет М. Хайдеггеру смысл этого слова «набрасывать-заново» и рассматривать состояние удивления как настрой на философствование. «Удивление как *λάθος*, — считает М. Хайдеггер, — есть *ἀρχή* философии. Греческое слово *ἀρχή* мы должны понять в его полном смысле. Оно называет то, откуда нечто исходит. Но это «откуда», исток, не остается позади, *Ἀρχή* становится скорее тем, что выражает глагол *ἄρχειν*, что господствует. *Πάθος* удивления, таким образом, не просто стоит у начала философии <...> Удивление ведет философию и повсеместно господствует в ней» [10. С. 120].

Дальнейшую трактовку платоновское удивление получило у Х. Арндт, которая рассматривает его как состояние наступившего безмолвия, позволяющее переходить от существования во внешнем мире привычных/обыденных мнений (*doxa*) к размышлению о том, к чему не применимы общепринятые стандарты здравого смысла. «Как только безмолвное состояние удивления переводится в слова, — пишет Х. Арндт, — это будут не утверждения, а бесконечные вариации того, что мы называем вечными вопросами: что такое бытие? Что есть человек? В чем заключается смысл жизни? и т. д. Общим для этих вопросов является невозможность получить научные ответы?» [1. С. 175]. В состоянии удивления, считает Х. Арндт, утверждение Сократа «я знаю, что я ничего не знаю» приобретает иной смысл, поскольку может быть выражено следующим образом — «теперь я знаю, что это значит — не знать; теперь я знаю, что я не знаю». Иными словами, в удивлении человек осознает свое невежество. Отличие философов от большинства заключается не в том, что большинству незнаком *pathos* удивления, а в том, что они отказываются его переживать. В связи с этим «Символ пещеры» Платона, считает Х. Арндт, становится своего рода аллегорией, посредством которой можно понять процесс становления философа, разворачивающийся на трех этапах. Каждый из этапов становится поворотным пунктом в жизни философа. В диалоге «Государство, или о Справедливости» Платон описывает символ пещеры следующим образом:

«Ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол <...> Теперь представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат <...> Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят <...> кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [9. С. 888].

Первый поворот происходит в самой пещере — будущий философ освобождается от пут, которыми обитатели пещеры скованы по ногам и шее таким образом, что могут видеть только то, что находится перед ними. Когда он поворачивается в первый раз, он видит огонь, горящий далеко вверху и позади него, освещающий все вещи в пещере в том виде, в каком они действительно существуют. Первый поворот происходит тогда, когда возникает состояние неудовлетворенности суждениями людей о вещах, и будущий философ начинает «оглядываться вокруг себя», чтобы увидеть каковы вещи сами по себе, независимо от мнения большинства. «Образы на стене пещеры, по Платону, —

пишет Х. Арндт, – это искажения доха, и он использовал исключительно визуальные метафоры, поскольку слово доха, в отличие от мнения, выраженного в словесной форме, имеет сильную визуальную окраску. Образы на ширме, в которые всматриваются обитатели пещеры, – это их доха, то есть образы вещей, какими они им представляются» [1. С. 172]. Если они хотят увидеть вещи, каковы они на самом деле, они должны оглянуться, то есть сменить свою позицию, поскольку каждая доха зависит от того, какое положение ее носитель занимает в мире.

Второй поворот в биографии философа наступает тогда, когда он не удовлетворен огнем в пещере и тем, каковы вещи на самом деле, а хочет выяснить, откуда берется огонь и каковы причины вещей. Он опять оборачивается и находит выход из пещеры, ступеньки, ведущие к ясному небу, ландшафту без вещей и людей. Здесь появляются идеи, вечные сущности бранных вещей и смертных людей, освещенные солнцем, идеей идей, позволяющей зрителю видеть. Это кульминационный пункт в жизни философа, и начало трагедии.

Третий поворот – это возвращение философа в пещеру, являющуюся его земным обиталищем, где он больше не может себя чувствовать как дома. Каждый из поворотов сопровождается потерей ориентации и смысла. Глаза, привыкшие к теням на ширме, ослеплены огнем в углу пещеры. Глаза, приспособившиеся к неяркому свету искусственного огня, ослепляются светом солнца. Но хуже всего – потеря ориентации, постигая того, чьи глаза уже приспособились к яркому свету под небом идей и кто не может найти свой путь в темной пещере. Философ больше не может видеть в темной пещере, он потерял ориентацию в мире, который зовется здравым смыслом. Мысли философа начинают противоречить здравому смыслу. «Обитатели пещеры описываются как обычные люди, – пишет Х. Арндт, – но с философами их роднит одно: Платон представляет их как потенциальных философов, которые в темноте и невежестве интересуются тем же, чем философ занимается при ярком свете и знании» [1. С. 173].

В греческом понимании философия является «любовью к мудрости» как некое «стремление к знанию», или «стремление к пониманию», которое начинается с удивления, инициирующего обращение человека к самому себе. Обращение является мыслительным актом, открывающим процесс «чистого» мышления как источника диалога и/или разговора между теми двумя, которое составляет наше «я». Каждый человек «сам по себе» может разговаривать с самим собой, считает Х. Арндт, как если бы он состоял из двух человек, то есть существовал как «двое-в-одном». «Когда я один, я не вступаю в противоречие с собой, но я могу себе противоречить, поскольку в мышлении я – два-в-одном, поэтому не только с другими живу как один, но и с собой» [1. С. 164]. Начиная с греческой философии, диалог становится философской формой речи, противоположной как убеждению (*peithein*), так и риторике. Искусство философии и философствования служит образцом поэзии мысли как логоса (*λογος*), под которым в греческой философии понимается – слово, речь, мышление. В диалоге с самим собой человек раскрывает в самом себе не только способность к мышлению как философствованию, но опыт разговора с самим собой позволяет философу жить в согласии с самим собой.

Сомнение как исток философствования открывается в новоевропейской философии и связан с именем Р. Декарта. Декартовское сомнение становится тем настроением, которое позволяет по-новому поставить вопрос о сущности философии. «Прежде всего я хотел бы выяснить, – пишет Р. Декарт, – что такое философия, сделав почин с наиболее обычного, с того, например, что слово “философия” обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек» [4. С. 411-412]. Философия должна быть выведена из первых причин таким образом, чтобы тот, кто вставал на путь философствования, начинал с исследования этих первых причин, именуемых началами. Иными словами, Р. Декарт не столько спрашивал «что есть сущее?», сколько ставил вопрос о достоверности сущего (М. Хайдеггер). В данном случае декартовское сомнение – «*cogitare*» есть некое раздумье, которое служит началом процесса философствования, обращенного к поиску несомненного как достоверно установленного. «Настрой сомнения, – пишет М. Хайдеггер, – становится положительным согласием с достоверностью. Отныне достоверность становится мерозадающей формой истины. Настрой уверенности в достижимой во всякое время достоверности познания остается *λόγος* и вместе с тем *ἀρχή* философии Нового времени» [10. С. 121]. Достоверность сущего следует из несомненности существования самого сомневающегося. «*Ego cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») становится основным положением декартовской философии, которая не ставила под сомнение существование самого сомневающегося «Его»/«Я». Здесь человек становится субъектом, а субъект

превращается в «Я», то есть в «ego cogito» Сомнение рассматривается как процесс мышления, в котором не-сомненной данностью обладает только существование сомневающегося субъекта, в отношении которого любое знание утрачивают характер само-очевидной достоверности. Сомнение в качестве методического основания становится источником критической проверки всякого познания, что изменяет сущность самого мышления, которое утрачивает смысл греческого логоса (λογος). Мышление – «cogito» – отождествляется с разумом, как «ratio», которое наиболее полно выражает стиль научно-критической, а не с философско-критической установки, свойственной декартовскому сомнению. Философия как философствование максимально сближается с наукой.

Потрясение как исток философствования открывается философией экзистенциализма (А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс). Греческое слово философ «philosophos», считает К. Ясперс, по своему значению противоположно слову «Sophos» – мудрец. Слово «philosophos» означает любящий познание и/или знание и отличается от того, кто, овладев познанием, называет себя знающим. Это и задает понимание философии как «бытие-в-пути», на котором философские вопросы существеннее, чем ответы, поскольку каждый ответ как бы предполагает новый вопрос. Этим и обусловлено, что ни одна формулировка того, что есть философия, не оказывается единственно возможной.

В философии экзистенциализма потрясение связано с такими пограничными ситуациями человеческого существования, из которых человек не может не выйти, не изменить их – я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину. «Осознание этих ситуаций, – пишет К. Ясперс, – вслед за удивлением и сомнением, является глубочайшим истоком философии» [12]. Смерть, страдание, вина настраивают мышление на философские вопросы, способные человеку вернуть самого себя. Это означает, что потребность в философии возникает тогда, когда человек не может больше полагаться на устойчивость мира и своей роли в нем. Человек становится одиноким, ибо связи с другими людьми, столь важные и необходимые в обыденном существовании, теряют свой смысл. В пограничной ситуации человек всегда охвачен тревогой, которая свидетельствует о том, что он лишился какой бы то ни было опоры в мире. Важным становится лишь обретение своего подлинного существования. В этот период вопрос, касающийся условий человеческой жизни, становится фундаментальным философским вопросом. «Философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно» [12]. В акте философского вопрошания процесс бесконечного переживания тревоги, страха, вины оборачивается процессом мышления, обращающим человека к сущности своего существования через постановку радикальных вопросов: «я есть?», «я существую?».

Античное удивление, новоевропейское сомнение и экзистенциальное потрясение являются такими началами, посредством которых человек становится существом, «захваченным» (М. Хайдеггер) философскими вопросами. Конечность пребывания человека в мире создает фундаментальное настроение и/или настрой на философствование, где человек предъявляет себя как вопрошающе-понимающее существо. «Поскольку понимание и философствование не рядовое занятие в числе других, – пишет М. Хайдеггер, – но совершается в *основании* человеческого бытия, то настроения, из которых вырастают философская захваченность и хватка философских понятий, с необходимостью и всегда суть *основные настроения* нашего бытия» [11. С. 120].

Вопрос «что это такое – философия?» инициирует философствующий ответ, который становится неким от-звонком, как ответным словом, сущность которого, начиная с греческой философии, открывается как логос (λογος), обращающий одновременно к мышлению и языку. Философия способствует обнаружению бытия как при-сутствия (Dasein), однако ближайшее бытие является нашим собственным бытием, которое проявляется только в бесконечном говорении как единственно возможном способе осуществления человеком собственной сущности. Философствование становится одним из родов при-сутствия как нахождения или собственной сути, или сущности. В этом случае философствование неотделимо от бытия тождественного языку, который проговаривается о смыслах бытия только в процессе философствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 153-180.
2. Библер В.С. Что есть философия? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 159-183.
3. Вундт В. Введение в философию. М.: «ЧеРо», «Добросвет», 2001. 256 с.

4. Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избр. произведения. М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1959. С. 409-544.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. 288 с.
6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М: Директ-Медиа, 2009. 331 с.
8. Платон. Теэтет, или О знании // Платон. Полн. собр. соч. в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2016. С. 129-181.
9. Платон. Государство, или о Справедливости // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. С. 748-970.
10. Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113-123.
11. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116-157.
12. Ясперс К. Введение в философию. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/vvedfil.php.

Поступила в редакцию 07.11.16

I.V. Solovey

TEACHING AND LEARNING MATERIALS OF THE LECTURE “INTRODUCTION TO PHILOSOPHY AS PHILOSOPHIZING”

The article deals with the genre “Introduction to Philosophy” as a way of embarking upon the path of philosophizing from the point of view of M. Heidegger’s philosophical and hermeneutical attitudes, which is further developed in the work of H.-G. Gadamer and H. Arendt. The path of philosophizing starts with the fundamental question “What is philosophy?”, addressing the Greek sources of philosophy enabling the philosopher to enter into dialogue not only with himself, but also with the philosophical tradition. In the dialogue with the philosophical tradition, astonishment, doubt and gaining insight are taken as the beginning of philosophizing characteristic of classical Greek philosophy (pathos of astonishment by Plato and Aristotle), new European philosophy (Descartes’ doubt) and modern philosophy (existential astonishment). The process of formation of a philosopher, as exemplified by Plato’s “Allegory of the Cave”, is considered. It includes gaining insight into reality; doubt and astonishment are the states of transition from perception of the world around us to the ascent and the view of the upper world, the rising of the soul into the world of mind. This transition in M. Heidegger’s concept is similar to evolution from the ontical to the ontological level of existence, turning the man to the essence of his existence, which is thinking and reflection.

Keywords: philosophizing, philosophical and hermeneutical attitudes, sources of philosophy, start of philosophizing, pathos, doubt, astonishment, nostalgia, solitude.

Соловей Ирина Викторовна,
доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры
истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

Solovey I.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of PR history, theory and practice
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 462034
E-mail: soloveyiv1@mail.ru